

ветственность делать всё возможное для предотвращения международных конфликтов и для укрепления мира между народами.

4. Когда христиане несут свое свидетельство о Господе — Начальнике мира, они не должны при этом забывать о своей молитве о мире и о жертвах насилия. Они хотят творить покаяние за грехи свои и своих соплеменников. Только в таком случае они могут быть строителями мира на земле.

5. При этом Церкви убеждены, что нельзя добиться прочного мира с помощью насилия или угрозы в применении насилия. Мир на земле требует, чтобы была осуществлена справедливость, но, как христиане, мы убеждены в том, что мир на земле не может быть полным без братского единения всех людей и народов.

6. В своей проповеди Церкви должны подчеркивать мир и справедливость. При этом не следует забывать, что люди несут совместную ответственность за сохранение человечества и за правильное пользование природой, которую им дал Господь. Структуры общества должны строиться таким образом, чтобы они способствовали сотрудничеству людей. Дискриминация людей по расовой, религиозной и национальной принадлежности, полу не может быть оправдана. Все народы должны получить возможность избирать свои собственные формы существования, жить в сотрудничестве с другими народами.

7. Христианская любовь требует от христианина деятельного участия в создании справедливости в обществе, нации, государстве, в международных отношениях. Отсюда проистекает необходимость для христианина активного участия в преодолении таких, например, форм несправедливости, как агрессивные войны, колониализм, апартеид, экономическая эксплуатация, социальное и политическое бесправие.

8. Участники собеседования особенно подчеркнули значение разоружения, а также важность скорейшего проведения конференции по европейской безопасности, которую правительство Финляндии предложило провести в Хельсинки. Эта конференция несомненно способствовала бы поддержанию стремлений народов к справедливости.

9. Не может быть прочного мира в обществе там, где выдвигаются препятствия для достойной человека жизни. Поэтому послушание христиан своим властям имеет свои пределы. Нельзя построить прочный мир на основе империалистических интересов.

10. Участники собеседования считают необходимым, чтобы в будущих контактах продолжалось рассмотрение этой группы вопросов.

От имени делегации
Русской Православной Церкви
Филарет,
архиепископ Дмитровский

От имени делегации Евангелическо-
Лютеранской Церкви Финляндии
д-р Мартти Симоюки,
Архиепископ Турку и Финляндии

Загорск, Тронце-Сергиева Лавра,
16 декабря 1971 года

Доцент А. И. ОСИПОВ (Москва)

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И НАСИЛИЕ

Сократ: «... Давай же изберем в наставники то суждение, которое открылось нам сегодня и которое показывает, что этот путь в жизни — наилучший: давай жить и умирать, утверждаясь в справедливости и во всякой иной добродетели. Последуем сами призыву этого наставника и позовем за собой других»¹.

Не так давно экуменический лексикон пополнился еще одним новым термином — «мирология», который означает не просто учение о мире (как определенном состоянии отношений между людьми, в отличие, например, от космологии), но учение богословское, иначе называемое «богословием мира». Богословие это (не будучи новым само по себе, в силу постоянной актуальности в роде человеческого проблемы мира) в настоящий век приобрело значение чрезвычайное как ввиду не-

¹ Платон. Сочинения, т. I. М., 1968, с. 365.

обычайной сложности международной обстановки, так и ввиду появления в руках современного человека новых колоссальных сил, способных уничтожить всё человечество. Однако, несмотря на множество новых задач и проблем, ставших перед богословием мира, оно по-прежнему своими основными понятиями имеет понятия справедливости и насилия. Самы эти понятия, конечно, касаются весьма различных сторон жизни человека, ввиду чего получают и различные определения, но тем не менее основное их содержание остается неизменным и самостоительным. Основная аксиоматическая оценка содержания их такова: справедливость является добродетелью и одной из причин блага; насилие же может быть справедливым и тогда оно — явление положительное, но оно может быть и несправедливым и в таком случае подлежит осуждению. Другими словами, если справедливость в православном понимании безусловно является добродетелью, то оценка насилия обусловлена его справедливым или несправедливым характером.

Справедливость, будучи понятием о должном, как соответствующем определенному пониманию сущности человека и его неотъемлемых прав, является категорией не только морально-правовой, но и социально-политической, в силу чего формальные определения ее весьма разнообразны и многочисленны. Это же относится и к понятию насилия. Поэтому, чтобы лучше уяснить и уточнить специфику этих понятий и их значение в общественной жизни мира, мы считаем необходимым обратиться к Откровению и истории человеческой мысли и рассмотреть данный вопрос, исходя из пяти следующих состояний человечества:

- 1) до грехопадения;
- 2) по грехопадении, в условиях естественной нравственности;
- 3) в Откровении ветхозаветном;
- 4) в Откровении новозаветном;
- 5) в жизни будущего века.

1. Понятие о справедливости, по-видимому, должно было существовать уже в раю, ибо первому человеку дана была заповедь (Быт. 2, 17), и, следовательно, первые люди могли поступить в отношении Бога должным или недолжным, т. е. справедливым или несправедливым, образом. Понятие это носило, конечно, весьма узкий характер, что обусловлено было чистотой и невинностью первых людей и их верностью Богу, что в свою очередь исключало какие-либо отрицательные последствия (например, насилие) в отношениях к не-Богу, т. е. миру.

2. «Тернии и волчцы» (Быт. 3, 18), произращенные землю падающего естества человека, показали себя в первую очередь в отношениях межчеловеческих. Каин убивает родного брата (Быт. 4, 8), поправ то святое, что было заложено в его разуме и совести. «И сказал Господь Каину: почему ты огорчился? и отчего поникло лице твое? Если делаешь добро, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит» (Быт. 4, 6—7). Отступление от истины возрастало и расширялось с того времени всё более и более. Однако наряду с этим голос нравственного чувства и разума не переставал свидетельствовать через лучших людей человечеству о Божественном законе и справедливости. Царство насилия слишком очевидно показывало свои плоды, которые были горьки и несли в себе смерть. В мире естественной нравственности постепенно выработывалось вполне определенное понятие справедливости. На самой первой стадии жизни человечества — при первобытно-общинном строе — справедливость заключалась в следовании общепринятому порядку, в неуклонном соблюдении уклада жизни отцов (например, греческое δίκη (справедливость) означало первоначально «обычай», «уклад жизни»). Это понимание справедливости носило более негативный смысл, нежели позитивный, ибо оно полагало главное в ненарушении существующих норм и, естественно, требовало наказания в противном случае. Понятие справедливости усложняется и принимает более позитивный характер с выделением отдельных личностей из общины. Справедливость начинает трактоваться как равенство всех и каждого и в использовании жизненных благ, и в правах. Однако нарушение и этого принципа справедливости и установление общественного неравенства повлекло за собой изменение и понятия справедливости. Высказывается идея об относительном характере справедливости. Так, Гераклит утверждал: «У Бога прекрасное всё, и хорошо, и справедливо, люди же одно считают несправедливым, другое — справедливым»¹. Демокрит же прямо провозглашает: «Наиболее содействует делу справедливости и добродетели тот, кто отдает наибольшие почести самым достойным»².

Платон в своем «Государстве» уже жестко делит всё общество на три сословия, исполнение каждым из которых только своих обязанностей называет делом справедливым: «...Заниматься своим делом и не мешиваться в чужие — это и есть справедливость»³. Аристотель говорит о двух видах справедливости — распределительной и уравнивающей: «Что касается специальной справедливости..., то один вид ее проявляется в распределении почестей, или денег, или вообще всего того, что может быть разделено между людьми, участвующими в известном обществе (здесь может быть равное или неравное наделение одного перед другим). Другой вид ее проявляется в

¹ Материалисты древней Греции. М., 1955, с. 50.

² Там же, с. 159.

³ Платон. Сочинения, т. 3 (1). М., 1971, с. 224.

уравнивании того, что составляет предмет обмена»¹. Аристотель считает, что справедливость может означать и равенство для равных и неравенство для неравных. К этому он присоединяет еще особый вид справедливости, основанный на принципе пропорциональности: «...Общество держится тем, что каждому воздается пропорционально его деятельности»². В дальнейшем все большую силу приобретает правовой взгляд на справедливость, ибо где можно было найти человечеству лучший критерий для оценки тех или иных поступков, как не в законе. По Гельвецию, «справедливость предполагает установленные законы»³, следовательно, «до закона не существует несправедливости»⁴. Правовой же точки зрения на справедливость придерживался и Гегель, который утверждает, что конституция, в которой «...разумная воля... доходит до сознания и понимания самой себя», и есть «существующая справедливость как действительность в свободе и развития ее разумных определений»⁵. В марксистском понимании «понятие справедливости всегда имеет исторический характер, обусловлено условиями жизни людей (классов). В переломные эпохи истории понятие справедливости является одной из форм стихийного осознания угнетенными массами объективной исторической необходимости радикального изменения существующих условий... Справедливыми можно назвать общественные отношения людей лишь в том смысле, что они соответствуют исторической необходимости и практической возможности создания условий жизни человека, отвечающих данной исторической эпохе, поскольку это нашло отражение в нравственных отношениях (а также в правовых), регулирующих повседневную деятельность людей»⁶.

Можно подвести итог пониманию справедливости в естественном разумении человека. Это понимание — в основном юридическое, и справедливость здесь может быть названа правовой. Она покоится на свойственном всем людям, как подобиям Божиим, внутреннем законе правды, о котором апостол Павел пишет в послании к Римлянам: «Когда язычники, не имеющие закона (богооткровенного.— А. О.), по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон. Они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (2, 14—15). Правовая справедливость отличается весьма существенно от понятия о справедливости перво-человека. Последняя имела свое отношение главным образом к Богу и затем уже к низшим творениям Божиим: «И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Быт. 2, 15). Правовая же справедливость в основном и главным касается отношений межчеловеческих. Бог и низшая тварь отступают на второй и третий план или исключаются вообще.

Из юридического понимания справедливости проистекает и соответствующее представление о насилии. Оно является одной из разновидностей несправедливости и как таковая оказывается нарушением установленных законом отношений к человеку, группе, обществу со стороны другого человека, группы, общества, государства. Элемент этический здесь приглушен, по меньшей мере он не является решающим при классификации тех или иных насильственных актов.

3. Откровение ветхозаветное дает несколько иное понимание справедливости (и насилия). Отличие его главным образом состоит в том, что оно определяет отношения прежде всего к Богу и затем уже отношения между людьми. Понятие справедливости отождествляется с понятием праведности, под последним разумея полное исполнение закона (Исх., гл. 20—23). Сам же закон был еще далек от совершенства (например, Исх. 21, 20—21: «А если кто ударит раба своего или служанку свою палкою, и они умрут под рукою его, то он должен быть наказан. Но если они день или два переживут, то не должно наказывать его; ибо это его серебро»). Жестокое насилие, которые совершались евреями над завоеванными народами, оценивались с точки зрения данного закона как справедливые. Справедливым же было воздавать злом за зло и насильем за насилие. Ветхозаветное понимание справедливости (и насилия), несмотря на указанное отличие, в своей сущности носило характер того же, даже, может быть, еще более резкого юридизма, который в основном присущ и язычеству, не знающему Откровения.

Это понимание — прекрасная иллюстрация того, насколько несовершенен формально правовой принцип в подходе к такой исключительно серьезной жизненной проблеме, как проблема справедливости и насилия. Для решения вопросов жизни мало закона, глубоко недостаточно формулы и формы, ибо «буква убивает» и лишь «дух животворит» (2 Кор. 3, 6).

4. Принципиально новое понимание справедливости (и насилия) принесло учение новозаветное. Хотя Господь Иисус Христос и поставил Свое учение в прямую связь с Откровением ветхозаветным, Он не отождествил их: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5, 17), т. е. «восполнить» (πλήρωσαι от πλήρωω — наполняя, восполняя) — то, чего недоставало прежде. В чем же заключается это «исполнение»? — В прямом противопо-

¹ Этика Аристотеля. СПб., 1908, с. 86—87.

² Там же, с. 91.

³ Гельвеций. О человеке. М., 1938, с. 155.

⁴ Там же, с. 154.

⁵ Гегель. Сочинения, т. 3. М., 1956, с. 317.

⁶ Ст. «Справедливость» в «Философской энциклопедии», т. 5. М., 1970, с. 120.

ставлении нового древнему. «Вы слышали, что сказано древним: «не убивай»; кто же убьет, подлежит суду (Исх. 20, 13). А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной» (Мф. 5, 21—22). «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга» (Ин. 13, 34). Более того, Господь прямо подчеркивает: «...Говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное... Вы слышали, что сказано: «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего» (Лев. 19, 18). А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас... Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?» (Мф. 5, 20, 43—44, 46). Христианство во главу угла понятия справедливости ставит не закон дел, не право, но любовь и совесть («Ибо если сердце наше осуждает нас, то кольми паче Бог») (1 Ин. 3, 20). Справедливо не «око за око и зуб за зуб» (Исх. 21, 24), а ударившему в правую щеку подставить и другую (Мф. 5, 39).

Евангельская справедливость стоит выше формальных установок или предписаний, как и всё евангельское нравоучение, из которого она исходит. И если мы иногда, кажется, и находим таковые, как, например, «не противься злему» (Мф. 5, 39), «не судите» (Мф. 7, 1) и др., то эти заповеди сами по себе не формальны, ибо касаются по существу не слов (например, осуждения), не внешнего факта как такового, но состояния человека, его духовной направленности, которая может выразиться вовне, а иногда может и остаться в глубинах сердца. Христианское понимание справедливости является всюрридическим; оно лежит в ином измерении, нежели право. Очень интересно в этом отношении утверждение И. Канта о критерии справедливости в связи с правовым, в частности, его пониманием: «Строжайшее право — это величайшая несправедливость... но на пути права этому злу ничем помочь нельзя... потому что справедливость относится только к суду совести»...¹

Подобное понимание справедливости дает возможность и определенного предствления о насилии с христианской точки зрения. Любое деяние, не основанное на любви, не исходящее из желания блага ближнему, рассматривается в свете Христова учения как греховное, злое. Поэтому и любое насильственное действие, сопряженное с злым намерением, с корыстной целью, носящее в себе дух презрения, ненависти или мести и т. п., является грехом, преступлением. Однако возможны, хотя и значительно реже, действия, которые лишь внешне, по форме представляются насильственными (т. е. злыми), на самом же деле не являются таковыми по существу. Как характер этих действий? Он вытекает из христианского понимания любви. Христианская любовь к человеку или твари не обязательно предполагает действия лишь приятные, доставляющие удовольствие нашим чувствам, телу, душе. Она иногда, напротив, с необходимостью выражается в действиях неприятных и насильственных по форме. Подобные действия можно с полным основанием назвать справедливым насилием, как совершённым из глубокого понимания и искреннего, по совести, желания блага своему ближнему.

Господь засвидетельствовал справедливость подобных действий Своим примером, изгнав бичом торгующих из храма (Ин. 2, 15). Этот акт насилия, совершённый Им в храме Иерусалимском, показывает, что основной принцип христианской справедливости — любовь — не однозначен в своем выражении вовне, что он глубоко этический, более того — духовен и не может быть жестко связан ни с какими формальными рамками закона, дел, права.

Если столь отлично от доновозаветных учений христианское понимание справедливости (и насилия) в отношениях межчеловеческих, то уже прямо «парадоксально» оно в отношении к Богу. Поставить примером правильного, т. е. справедливого, отношения к Богу мытаря (Лк. 18, 10—14), оправдать достойную смерть по закону женщину, взятую в прелюбодейнии (Ин. 8, 3—11), наконец, заявить первосвященникам и старейшинам народным: «...Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие» (Мф. 21, 31) — всё это было настолько отлично от привычных представлений о праведности, справедливости пред Богом, что звучало прямым вызовом старому миру с его мертвым законническим взглядом на жизнь, на Самого Бога. Покаяние в христианстве оказывается выше дел и вера — выше праведности по закону.

По отношению к Богу более справедливыми Евангелие называет не архиереев и священников, не богословов (книжников) и фарисеев со всей их грудой мертвых знаний и дел, но мытарей, блудниц и разбойников, приносящих Христу лишь: «Боже! будь милостив ко мне грешнику!» (Лк. 18, 13). Как непохоже всё это на законническую праведность — справедливость иудеев и язычников!

5. Христианское понимание справедливости мы считаем нормой человеческих взаимоотношений в этом мире «прелюбодейном и грешном» (Мр. 8, 38), однако сам идеал отношений как между людьми, так и к Богу должен представляться в ином свете. Второе пришествие Господа Иисуса Христа возвестит начало новой жизни,

¹ И. Кант. Сочинения, т. 4, ч. 2. М., 1965, с. 144.

вечной, в Царстве Божием, где «новое небо и новая земля» (Откр. 21, 1). Это будет Царство Христово, где все понятия справедливости упразднятся, ибо совершенная любовь будет единственным и окончательным принципом жизни в Боге.

Рассмотрение понимания справедливости (и насилия) в подобном плане дает возможность более конкретного осознания специфики христианского взгляда на этот вопрос и помогает сделать некоторые выводы применительно к нашей эпохе и ее актуальнейшей проблеме — проблеме мира.

Христианское понимание принципов справедливости и насилия в определенной степени созвучно тем нормам, какие в настоящее время являются преобладающими в оценке этих понятий и применении их к международным отношениям. И это служит для христиан мощным стимулом в борьбе за истинную справедливость на земле, за справедливый мир. Именно в силу общности начальных установок и конечной цели — справедливости и мира — у христиан со всеми людьми доброй воли, независимо от их религиозных, политических и других взглядов, Церкви должны приложить максимум усилий к осуществлению подлинного блага для всего человечества. И эта реализация усилий должна иметь своей основой одно чувство и один разум, объединенные Богом-Любовью. Так, не по ненависти, но из искреннего желанья добра арабам и евреям, мы, христиане, несмотря на наши конфессиональные различия, со всей силой должны призвать Израиль прекратить незаконную оккупацию арабских земель; из того же доброго чувства к вьетнамцам и американцам, лаосцам и камбоджийцам, таиландцам, австралийцам, корейцам христиане всех Церквей обязаны использовать все силы на то, чтобы заставить правительство США немедленно остановить свою агрессию в Индокитае и вывести оттуда все свои войска. С христианской, и в частности православной, точки зрения, нет никакого оправдания перед Богом и людьми ни Израилю, ни США, ни правительствам Южной Африки и Родезии, которые проводят политику жестокого, несправедливого насилия и террора по отношению как к отдельным расам, нациям, общественным группам, так и к малым или слабым государствам. Без справедливости не может быть мира, не может быть счастья не только угнетенным, но и угнетателям. Уже древние заметили это. Не случайно Платон в уста Сократа влагает такую сентенцию: «Несправедливость — величайшее зло для того, кто ее чинит, и если существует зло еще большее — остаться безнаказанным, совершивши несправедливость»¹.

Наше время чрезвычайно ответственно, и теперь, по-видимому, более чем когда-либо необходимо помнить слова апостола Петра, сказанные почти две тысячи лет тому назад: «...Земля и все дела на ней сгорят... Небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают» (2 Петр. 3, 10, 12). Это не только пророчество, это еще более и предупреждение, особенно современному человеку-христианину, когда научные и технические открытия уже реально позволяют разрушить всю землю и даже небеса и стихии. Бог есть Любовь, но не автократ. Он готов дать людям все блага, но при двух условиях: свободного и активного обращения человека к Нему и способности воспринять эти блага без духовного вреда для себя. Отсюда для христиан наряду с теми общими средствами борьбы за всечеловеческое благо, которые используют все люди доброй воли, вытекают средства и сугубо специфические: молитва и нравственно-духовный подвиг, которые и должны стать основой всей их деятельности, куда бы эта деятельность ни была обращена, по слову Христову: «Сие надлежало делать, и того не оставлять» (Мф. 23, 23). Созидание Царства Божия внутри себя (Лк. 17, 21) является необходимым фундаментом для действительного и действительного участия христиан в созидании мира и справедливости в мире. В этом — сущность мирологии. Поэтому было бы ошибкой противопоставлять духовный подвиг внешней активной деятельности, но было бы не меньшей ошибкой рассматривать и внешнюю деятельность как самодостаточную или как вид духовного подвига: надлежит и то делать, и другого не оставлять.

В христианском понимании справедливость с необходимостью включает в себя праведность; она поконтится на правде и может пребывать лишь в правде, «ибо при отсутствии правды всё несправедно и без нее не может устоять»², — пишет преподобный Петр Дамаскин. Пусть эта правда имеет различные планы для разных людей и обществ — в совести (Рим. 2, 15), в законе, в Боге, во Христе. В сущности же своей она имеет одну общую основу — образ Божий, отражающий Правду Самого Бога. В этой общности — реальное основание для глубокой солидарности христиан со всеми людьми правды в их борьбе за истинную справедливость в мире. Борьба эта может быть мирной, однако может быть сопряжена, ввиду чрезвычайных обстоятельств, и с принуждением, т. е. с применением справедливых насильственных мер. Но мы молимся, чтобы Господь Иисус Христос избавил нас от необходимости применения даже и такого насилия, как всегда сопряженного с великими страданиями сердца и терзаниями душ. Желание сердца нашего — чтобы всюду царствовали мир и святость в правде и истине, где любое насилие стало бы излишним, а справедливость — действенным законом жизни.

¹ Платон. Сочинения, т. 1. М., 1968, с. 342.

² Преп. Петр Дамаскин. Творения. Слово 20. Киев, 1902, с. 306.